

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем».....	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951)..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014).....	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии.....	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Трнавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология.....	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурькин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

О ВКЛАДЕ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается научная деятельность С. Г. Кляшторного с точки зрения ее значения для исследования взаимодействия литературы и фольклора. Предложенная им реконструкция мифологического пантеона древних тюрков на материалах рунических памятников и исторических сочинений соседних народов является важным достижением в процессе понимания функционирования сюжетов, бытовавших как письменно, так и устно.

Ключевые слова: древние тюрки, мифология, фольклор, литература.

За более чем полувековую научную деятельность С. Г. Кляшторный (1928–2014) внес значительный вклад как в тюркологию, так и в общую культурологию. Обращаясь в основном к историческим проблемам, он привлекал к своим изысканиям смежные дисциплины — литературоведение и фольклористику. В связи с исследованиями древнетюркских рунических памятников им были поставлены следующие вопросы.

Во-первых, его интересовал генезис древнетюркской письменной культуры, и шире письменности в кочевом мире, чему посвящено несколько работ [См.: Кляшторный 1965а, Кляшторный 1973, Кляшторный 1976, Гузев, Кляшторный 1993]. В первой из них он на основании анализа нарративных источников высказал предположение о том, что «приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку происходило на территории Восточного Туркестана в IV–V вв.» [Кляшторный 1965а, с. 47]. В процессе приспособления к тюркскому языку он претерпел существенные изменения и был обогащен новыми знаками, частью идеографического, частью буквенного характера.

В последующем он сформулировал два вопроса, которые волновали его в отношении древнетюркской письменной культуры. Первый: *существовала ли письменность у тюрков в эпоху Первого каганата (552–630 гг.)?* Второй: *была ли письменная культура у тюрков локализованным явлением?* [Кляшторный 1973, с. 261]. Для поиска ответов на эти вопросы С. Г. Кляшторный предпринял «широкое обследование наиболее важных районов, некогда входивших в состав тюркских каганатов» [Кляшторный 1973, с. 262].

В ходе него были получены следующие ответы:

Во-первых, руническая письменность распространена в Монголии во всех районах обитания древнетюркских племен.

Во-вторых, письмом владел значительный круг людей, так как в исполнении мелких наскальных надписей отсутствует профессионализм [Кляшторный 1973, с. 262].

Проведенный исследователем анализ Чойренской надписи из Восточно-Гобийского аймака показал, «что употребление рунического письма в VII в., по крайней мере в его второй половине, было столь же заурядным явлением, как и для двух последующих столетий» [Кляшторный 1973, с. 262]. Открытие Бугутской надписи убедительно доказало, «что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию» [Кляшторный 1973, с. 263]. При этом каганат был ориентирован не на южный регион, где располагался Китай, а на запад, где властвовала согдийская культура [Кляшторный 1973, с. 263].

Не менее важным достижением исследований С. Г. Кляшторным древнетюркской письменной культуры в свете открытия Бугутской стелы и установления факта заимствования ею согдийской письменности стала характеристика данной культуры как подвижной, а отнюдь не консервативной. Она была способна в течение нескольких столетий преобразовать унаследованное в новую цивилизацию, которая обладала своей письменной традицией, прошедшей путь от камнеписных памятников до рукописей на бумаге [Кляшторный 1976, с. 53]. Этому широкому вопросу о генезисе и истории древнетюркской культуры он также посвятил несколько специальных работ [См. Кляшторный 1975, Кляшторны 1985, Кляшторный 1986].

В первую очередь ученый охарактеризовал роль религии «в сохранении социальной и политической стабильности древнетюркского общества» [Кляшторный 1985, с. 288]. По его мнению, уже к VI в. у древнетюркских племен сложились модифицированные формы единой религиозной идеологии, сформировавшиеся на основе более архаичных культов, общих для большинства кочевников Центральной Азии. На основании явного выделения культа Неба многие исследователи характеризуют древнетюркскую религию как особую веру, близкую к монотеизму. При этом под древнетюркской он понимал культуру древнетюркских, древнеуйгурских и древнекыргызских племен, создавших свою государственность на территории Центральной Азии и Южной Сибири в VIII–XII вв. [Кляшторный 1986, с. 37].

Продолжая начатую в ходе исследования истории письма линию, он отметил, что ранее «проблемы заимствования и адаптации древними тюрками социо-культурных и идеологических представлений затрагивались преимущественно в текстологическом и терминологическом аспектах» [Кляшторный 1986, с. 37]. При этом С. Г. Кляшторный придерживался высказанной выдающимся отечественным востоковедом В. В. Бартольдом (1869–1930) идеи о том, что индо-иранское влияние на тюркские культуры было гораздо сильнее дальневосточного. Развитие древнетюркской культуры связано с согдийским и тохарским влиянием, которое часто пред-

ставляло «культурный симбиоз» [Кляшторный 1986, с. 38]. Как в работах о письменности древних тюрков, так и об их культуре в целом он настаивал на несостоятельности обыденных представлений об общем консерватизме степных культур и их неспособности к развитию. Эта идея прослеживается во всех работах ученого, посвященных частным проблемам культурной истории, в том числе и проблеме взаимодействия фольклора и литературы в древнетюркском обществе.

В этой связи главной задачей, которая потребовала от С. Г. Кляшторного обращения к взаимодействию фольклора и литературы, стала реконструкция религиозно-мифологических представлений древних тюрков [См.: Кляшторный 1979, Кляшторный 2004, Кляшторный 2009]. Основным достижением ученого, полученным в ходе ее решения, стало воссоздание древнетюркского пантеона на материале рунических памятников. Исследователь считал, что, несмотря на стилистику, исключавшую полное изложение мифологической фабулы, они полны намеков и упоминаний, «за которыми скрывались известные в той среде представления, верования, идеологические конфликты» [Кляшторный 1981а, с. 117].

С. Г. Кляшторный попробовал рассмотреть «орхонский» пантеон в связи с предполагаемой сюжетной схемой древнетюркской мифологии, попытки реконструкции которой к тому моменту не предпринимались [Кляшторный 1981а, с. 118]. Он подверг критике два основных источника для подобной реконструкции: памятников рунического письма и сведений иноземных наблюдателей. Также он поставил под сомнение идеи Ж.-П. Ру (1925–2009) о привлечении к характеристике древнетюркской религии текстов и наблюдений над различными этническими группами, часто разделенными между собой веками и тысячелетиями [Кляшторный 1981а, с. 119].

Была составлена предварительная тематическая классификация мифологических сюжетов древних тюрков. Она включала в себя космогонические и космологические мифы, представленные мифом творения и мифом о катастрофе, сюжеты о пантеоне и социуме, а именно о богах и божественных силах, а также о божественном генезисе государства и правителей и этнологические и генеалогические мифы, в которых помимо историй о первопредках и культурных героях выделялся миф о происхождении племени *тюрк* [Кляшторный 1981а, с. 120].

Отсылки к мифу о сотворении мира как к общеизвестному в древнетюркской среде тексту были обнаружены исследователем в начальных строках надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. Описание представлений об устройстве мира — на двух наскальных надписях на р. Тубе (притоке Енисея) [Кляшторный 1981а, с. 120].

Различные обозначения неба как части космоса в древнетюркских памятниках послужили для исследователя основанием «предположить, что уже в древнетюркское время сложилось представление о нескольких небесных сферах или, по крайней мере, о двух — «высоком небе» и «ближнем небе» [Кляшторный 1981а, с. 121].

Им же были воссозданы три картины мира, которые можно увидеть в древнетюркских рунических памятниках.

Согласно первой, земля была квадратным пространством, «населенным по краям народами, враждебными тюркам» [Кляшторный 1981а, с. 122]. Отражение в рунических памятниках данной космологической модели С. Г. Кляшторный посчитал свидетельством «многообразия культурных связей древнетюркского общества» [Кляшторный 1981а, с. 122].

Существует в надписях и иная, «горизонтальная картина мира, излагающая ситуационное (маршрутное) описание ландшафта с его орогидрографией, без указания границ ойкумены» [Кляшторный 1981а, с. 122]. Это общее сакрализованное и терминологическое понятие *йер-суб* («земля-вода») как оппозиция «голубому небу» [Кляшторный 1981а, с. 122].

Третья картина мира — этнополитическая. Она маркирована этно- и антропонимией, пространство в ней наделено эмоционально активными свойствами, то есть, в зависимости от того, свое оно, или чужое, пространство является пригодным или непригодным для того или иного племени [Кляшторный 1981а, с. 123].

Миф о космической катастрофе в памятниках Орхона — это намеки, постулирующие связь «между неурядицами среди людей и потрясениями в окружающем мире» [Кляшторный 1981а, с. 123]. Здесь исследователь привлекает сравнительный материал из тюркской «Книги гаданий».

В орхонских стелах названы лишь три божества — *Тенгри*, *Умай*, *Ыдук Йер-Суб*. Следовательно, мифы о богах и божественных силах представлены в памятниках крайне ограниченно, в них «нет намеков на специфические функции или сферу власти упоминаемых там божеств, нет прямых указаний на признаки, классифицирующие пантеон» [Кляшторный 1981а, с. 124].

Исследователь предполагает наличие у древних тюрков представления о трихотомическом (Верхний, Средний и Нижний миры) делении макрокосма, которое являлось органичным для сибирско-центральноазиатской религиозной мифологии [Кляшторный 1981а, с. 124].

В подтверждение своей гипотезы он обнаружил в древнетюркских рунических памятниках указания на «наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира, его владыки — Эрклига» [Кляшторный 1981а, с. 125].

При этом он привлекал материал *Ырк-битиг*, уникальной книги 930 г. на руническом письме, перевод многих притч из которой до сих пор остается приблизительным.

Исследователь указывал на неявную антропоморфизацию верховного божества древнетюркского пантеона — *Тенгри* (Небо) в рунических памятниках: «он наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через агентов — "природных агентов" и людей» [Кляшторный 1981а, с. 132].

Спутницей *Тенгри* была богиня плодородия и покровительница новорожденных — *Умай*. Соответственно, в мире людей живой ипостасью мифа о божественной чете *Тенгри* и *Умай* являлась царская чета [Кляшторный 1981а, с. 133].

К результатам исследования Ж.-П. Ру мифов о божественном сотворении государства и небесном происхождении кагана С. Г. Кляшторный добавляет тезис о позднем происхождении (не ранее VI в.) мифов о небоподобных и неборожденных тюркских каганах [Кляшторный 1981а, с. 136]. Данный факт сам ученый интерпретировал как следствие рождения мифологического цикла, отраженного в древнетюркских рунических памятниках, «в классовом обществе», где он «являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата» [Кляшторный 1981а, с. 137].

Из фрагментарных сообщений рунических памятников о древнетюркской мифологии исследователю удалось воссоздать развитую мифологическую картину, содержащую «как весьма архаические (тотемные генеалогические и космогонические мифы), так и сравнительно молодые пласты, формирование которых завершилось в древнетюркских государствах, с их четко выраженным элитарным и сакрализованным характером публичной власти» [Кляшторный 1981а, с. 137].

В качестве источника для реконструкции древнетюркского пантеона С. Г. Кляшторный привлек полулегендарный список земель Тибета и его соседей — «Каталог княжеств». Фрагмент данного памятника был обнаружен в дуньханской пещере Тысячи будд в одной из гадательных книг. Исследователь рассматривает его как источник по истории тюркского Притяньшанья VIII–IX вв. В данном в источнике среди перечня названий титулов правителей города Шу-балыка странным являлось «лишь имя главного бога западных тюрков — Йол-тенгри» [Кляшторный 1981б, с. 98].

Именно этот факт привлек внимание ученого, и он обратился к древнетюркской *Ырк битиг*, обнаруженной в той же пещере, что и тибетский текст. Уже при переводе термина *jol teyri* С. Г. Кляшторный подвергает предложенный С. Е. Маловым (1880-1957) вариант «бог судеб» и прочтение

Дж. Клоусона (1891–1974) *jul tenri* — «бог ручья» сомнению. На основании двух терминов из притч рассматриваемой книги он предлагает следующие варианты: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном [коне]». Свою версию исследователь основывает на синхронном армянском источнике историка VII в. Моисея Каганкатваци, в котором «среди других божеств западных тюрков VII в. упомянуты и “некии боги путей”» [Кляшторный 1981б, с. 99]. В подтверждение ее С. Г. Кляшторный обратил внимание на замеченные Л. П. Потаповым (1905–2000) у телеутов образ «божество земных дорог», в названии которого нередко фигурирует термин *тенгер* [Кляшторный 1981б, с. 99].

Обоих божеств, упомянутых в *Ырк битиг*, исследователь посчитал посланцами высшего небесного божества *Тенгри*, передающими человеку *кут* — (божественную) благодать, душу. Основываясь на данных тюркских рунических памятников, согласно которым *Тенгри* ниспосылал благодать или побуждал к созданию государства тюрков, он предположил, что оба божества, упомянутые в *Ырк битиг* — связные между Верхним и Средним мирами в пантеоне тюрков. А функцией божественных каганов было осуществлять обратную связь Среднего мира с Верхним [Кляшторный 1981б, с. 99].

Далее С. Г. Кляшторный поставил перед собой задачу определить время формирования сложной религиозно-мифологической системы, именуемой «древнетюркским пантеоном».

Он опирается на описание «государства гуннов» (по терминологии армянского автора Анании Ширакаци (610?–685), образованного группой тюркоязычных праболгарских племен в VI в. на территории предгорного Дагестана. При описании поездки в «государство гуннов» (681–682) албанским епископом Исраэлем были даны полемические характеристики верований северокавказских праболгар. По ним восстанавливается следующий пантеон: главный небесный бог *Тенгри-хан*, божество Земли-Воды, женское божество плодородия и «некии боги путей».

Этот круг божеств детально совпал с пантеоном древних тюрков (VI–VIII вв.), запечатленным в памятниках рунической письменности Монголии и Восточного Туркестана. Он же фиксируется у дунайских праболгар.

Факт тождества древнетюркского и праболгарского пантеонов, в сочетании со временем миграции гунно-болгарских племен из Центральной Азии в IV в. н. э. дал основание С. Г. Кляшторному предположить, что древнетюркский пантеон «сложился в окончательном виде значительно ранее середины I тыс., скорее всего, в эпоху существования и расцвета империи сюнну (хунну) в Центральной Азии (III в. до н. э. — II в. н. э.)» [Кляшторный 1981в, с. 65].

Впоследствии, опираясь на свои наблюдения над развитием культа *Тенгри* в политизированной религии Тюркской империи ученый смог описать «сложные процессы структурных изменений, синхронно происходивших как в Центральной Азии, так и в степях от Кавказа до Дуная» [Кляшторный 1999, с. 155].

В качестве своеобразного картографического индекса общей культурной традиции каганата он выделил каменные изваяния погибших воинов, обычаи водружать которые существовал от Китая до Южной Украины. Их иконография единообразна и мало зависит от места расположения [Кляшторный 1999, с. 156]. Тем самым он доказал, что в раннем средневековье сложилась идеологическая основа древнетюркской империи на всем пространстве Великой Степи. Это произошло благодаря общности мифологии, пантеона и обрядности в гунно-болгарских и тюрко-огузских племенных союзах [Кляшторный 1999, с. 156].

Особым направлением исследований С. Г. Кляшторного стала реконструкция генеалогических мифов и легенд древних тюрков [См.: Кляшторный 1964, с. 103–114, Кляшторный 1965б]. Для этого он привлекал не только сами древнетюркские рунические тексты, но и исторические сочинения соседних народов. Ученый специально затронул вопрос о происхождении одной генеалогической легенды, принявшей форму сообщения о происхождении царской династии Кабула, включенного в сочинения ал-Бируни. Подобные легенды — фольклорно-этнографический реликт, возводимый к эпохе формирования прототюркской этнической общности. Наиболее ранними их записями являются повествования о происхождении *ашина* — правящего рода Тюркского каганата (VI–VIII вв.), кратко зафиксированные китайскими историографами со слов самих тюрков.

На основе этой легенды в государстве древних тюрков возникли: культ пещеры предков как культ каганского рода и особое почитание волка. Иконографическим подтверждением этой легенды стало навершие согдоязычной Бугутской стелы (между 580–587), на котором изображено спасение волчицей мальчика с культями вместо рук и ног.

Наличием схожей легенды у ал-Бируни исследователь доказывал то, что в «раннесредневековом Кабулистане сохранялись реминисценции древнетюркского каганского культа пещеры предков, неотделимого от генеалогического династийного культа зверя-прародителя» [Кляшторный 1980, с. 160].

Тем самым, привлекая генеалогическую легенду как доказательство, С. Г. Кляшторный занимает определенную сторону в дискуссии Р. Гёбля и Р. Гиршмана о том, чем было вызвано появление в Тохаристане и Каписе тюркских титулов, приходу тюркской династии или простой «данью моде». Мы же получаем важные наблюдения над бытованием одной генеалогич-

ческой легенды в фольклоре и литературе разных народов. Это позволяет реконструировать один из способов миграции сюжетов.

В целом, завершая краткий рассказ о том, как труды С. Г. Кляшторного повлияли на изучение взаимодействия литературы и фольклора, следует отметить важность предложенного им пути реконструкции мифологических представлений. Опираясь на сведения, извлекаемые из литературных памятников, ученый смог воссоздать систему политических и космологических воззрений древних тюрков, которая имела свое выражение в их устном народном творчестве. В этой связи нам представляется закономерным его обращение к теме взаимодействия древнетюркских письменных памятников с эпосом [См.: Кляшторный 1992, Кляшторный 2001, Кляшторный 2003, Кляшторный 2010], но она требует отдельного внимательного рассмотрения.

Библиография

1. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
2. Кляшторный 1965а: *Кляшторный С. Г.* К вопросу о происхождении древнетюркской рунической письменности // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. 1965. Вып. I, с. 46–47.
3. Кляшторный 1965б: *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии (Памяти С. В. Киселева). М., 1965, с. 278–281.
4. Кляшторный 1973: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 254–264.
5. Кляшторный 1975: *Кляшторный С. Г.* О генетических корнях древнетюркской культуры // Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975, с. 36–38.
6. Кляшторный 1976: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и история культуры Центральной Азии // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата, 1976, с. 52–54.
7. Кляшторный 1979: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская мифология. К постановке проблемы // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. 1979. Вып. XIV, с. 91–96.
8. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М.: Наука, 1980, с. 158–161.
9. Кляшторный 1981а: *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981, с. 117–138.
10. Кляшторный 1981б: *Кляшторный С. Г.* Из древнетюркского пантеона // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. М., 1981. Вып. XV. Ч. I, с. 98–100.
11. Кляшторный 1981в: *Кляшторный С. Г.* Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа. М.: Гос. Музей искусства народов Востока, 1981, с. 64–65.

12. Кляшторный 1985: *Кляшторный С. Г.* Социальная организация и духовная культура древних тюрков // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1985, с. 287–288.
13. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Генетические корни древнетюркской культуры // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. Ч. 1, с. 37–38.
14. Кляшторный 1992: *Кляшторный С. Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. М., 1992. Вып. 5, с. 5–17.
15. Гузев, Кляшторный 1993: *Гузев В. Г., Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма // Вестник Санкт-Петербургского Гос. Университета. СПб., 1993. Серия 2. Вып. 4, с. 57–62.
16. Кляшторный 1999: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркский пантеон в континууме цивилизаций Волжской Степи // Материалы научной конференции восточного факультета, посвященные 275-летию Санкт-Петербургского Университета. 8–9.04.1999. СПб.: Гос. Университет, 1999, с. 154–156.
17. Кляшторный 2001: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская письменность и эпос // Актуальные проблемы истории древних кыргызов. Бишкек: Изд-во «Наука», 2001, с. 18–23.
18. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* Древнекыргызская письменность и эпос «Манас» // Санкт-Петербург—Кыргызстан: орбиты взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции. 27–27 мая 2003 г. Бишкек: Изд-во «Наука», 2003, с. 84–87.
19. Кляшторный 2004: Миф и религии мира. Учебное пособие. М.: Российский Гос. Гуманитарный университет, 2004. Авторский раздел С. Г. *Кляшторного* «Древние тюрки», с. 261–266.
20. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Религиозно-мифологические представления древнего населения Монголии (по памятникам древнетюркской рунической письменности) // Сборник «Россия—Монголия. Самобытность и влияние культур в условиях глобализации». СПб.: СПб. Гос. Университет, 2009, с. 88–195.
21. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские памятники и древнетюркский эпос // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII-е чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., Институт всеобщей истории РАН, 2010, с. 128–129.

Dmitry A. Nosov

ON THE CONTRIBUTION OF S. G. KLYASHTORNY INTO THE STUDY OF THE INTERACTION BETWEEN FOLKLORE AND LITERATURE

Abstract: *The article describes the scientific impact, made by S. G. Klyashtorny with his studies of interaction between literature and folklore. The reconstruction of the mythological pantheon of ancient Turkic runic inscriptions using historical works of neighboring peoples, done by S. G. Klyashtorny, is an important achievement in the process of understanding of the functioning of the subjects that were common both in written and oral literature.*

Keywords: *ancient Turks, mythology, folklore, literature.*